

«Бысть в некоторой Палестине у лва заболит голова великою болезнию. Тогда вси зверие стекошася ко лву на посещение. Одна лисица не притекла на болезнь лву, понеже бо лев пишетца царь всем зверям.

И во сто девяностом 7 году, генваря в 21 день бысть у волка с лисицею великая недружба. И нача волк царю своему лву наносити на лисицу, как бы ему недружба своя отомстити. И рече волк: „Пречестнейши зверю царю лве, услыши мою болезнь, — вси звери стекошася, одна лисица не притекла на посещение“. Царь-лев, не зная недружбы волка с лисицею, и повеле лисицу перед себя поставить, и послал пристава косова заца.

Заец пошел по лисицу и обрете лисицу. Лисица же ему взмолища и дает ему откуп велик. Заец рече: „Милая моя жена лисица, не бойся волка исца, поди ты скажи, будто ходила за врачами“. И лисица заца послушала и поиде пред царя своего.

Царь же лев на нее гневен ста. И рече ему лисица пред лицом ево: „Я ходила за врачами, уведав твою великую болезнь“. И рече царь лев к лисице: „Что врачеве сказаша о моей болезни?“. И рече ему лисица с великою лихостию и лукавством: „Врачеве сказаша, что жива волка убить и кожу с него снять и главу твою кожею обвить, и то будет главе твоей здравие“.

И царь-лев убил волька, и сня с него кожу, и главу свою обвил, облечения не бысть. И тако бысть лисица рада, что избьыла недруга своего волка. Конец тетърати сей».

На соседнем листе приписка: «Лисица лукавая зверь».⁶

В «Судном деле» басенные черты утрачиваются, в нем нет сентенции, и это допускает произвольное толкование сюжета. Как видим, в читательском комментарии вместо осуждения волка упрек сделан лисице. Это характерно не для басни с ее четкой определенностью сентенции, а для произведений демократической сатиры, в которых «отношение автора к герою иногда становится двойственным, противоречивым».⁷

Из всех произведений демократической сатиры «Список суднаго дела, как тягался волк с лисицею» ближе всего к «Повести о Ерше Ершовиче». В него включена дата, рассказ ведется в виде суднаго дела, за лисицей посылают пристава зайца, волк назван истцом. Однако этими деталями соприкосновение «Суднаго дела» с судебной практикой и формой делового документа ограничивается, в то время как в «Повести о Ерше Ершовиче» форма и формулы документа воспроизведены несравненно полнее. Возможно, форма делового документа пришла к басне не прямо из деловой практики, а через использование ее в произведениях жанра демократической сатиры. И все-таки сближение еще одного произведения с деловой письменностью не случайно. На протяжении XVII в. идет широкая беллетризация документа, деловая письменность проникает в литературу, создаются произведения в форме делового документа, и, наконец, эта форма отчасти захватывает и исконно беллетристические жанры.

Античная басня, появившись в русской литературе XVII в., была на Руси новым жанром и так или иначе приспособлялась к русским повествовательно-стилистическим традициям. В нашем случае она преобразуется в произведение, близкое к демократической сатире (также новому для русской литературы жанру). Жанровая метаморфоза сюжетов как

⁶ ГПБ, собр. Бусласва, № 92 (О.ХVII.57), лл. 283—286. Список опубликован В. П. Адриановой-Перетц в «Комментариях» к «Повести о Ерше Ершовиче» (Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954, стр. 225).

⁷ Русская демократическая сатира XVII в., стр. 174.